

© З. Б. Цаллагова

ОСЕТИНСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭТНОПЕДАГОГИКИ

На протяжении многих веков осетинские эпические сказания о нартах были своеобразным институтом воспитания подрастающих поколений: с самого раннего возраста в сердце и ум ребенка проникали дух, идеалы, стремления народа, творчески отраженные в эпосе. В наше время ценность использования нартского эпоса в качестве содержательной основы этнопедагогизации учебно-воспитательного процесса учебных заведений региона особенно велика, так как в условиях глобализации и нивелировки культурного разнообразия служит одним из рычагов противостояния тотальной вестернизации жизни и образования. В таких условиях эпический материал, художественно притягательный и понятный для учащихся, позволяет пробудить интерес к этническим корням, мифологическим образам, этическим нормам и символам. Доля национально-регионального компонента в общем объеме содержания образования хотя и невелика, но вполне позволяет заложить добрую основу в душу и поведенческий стереотип ребенка, а обращение к нартскому эпосу, мощному пласту осетинского этнокультурного наследия, будит историческую память и формирует духовно-нравственный стержень.

Ключевые слова: этнокультурное образование, осетинский нартский эпос, этнопедагогика, образование, фольклор, традиции народного воспитания

Ссылка при цитировании: Цаллагова З. Б. Осетинский нартский эпос: взгляд сквозь призму этнопедагогике // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 220–231.

UDC: 39+37.035.6

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/220-231

Original article

© Zarifa Tsallagova

THE OSSETIAN NART SAGAS: A LOOK THROUGH THE PRISM OF ETHNOPEDAGOGY

For many centuries, Ossetian epic sagas about the Narts served as an educational institution for younger generations. From an early age, the spirit, ideals, and

Цаллагова Зарифа Борисовна — д. педагог. н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32А). Эл. почта: sozieva@mail.ru tsallag@iea.ras.ru

*Статья выполнена в рамках тем НИР: "Общегражданские и этнокультурные ценности в образовании российской молодежи: поиск баланса" (в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.).

aspirations of the people creatively reflected in the epic, penetrated into the heart and mind of children. The prospective value of using the Nart epic as a meaningful foundation for the ethnopedagogization of the educational process in regional educational institutions is especially significant in the current context of globalization and the reduction of cultural diversity. It serves as a crucial instrument of resistance against total Westernization of life and education. In such circumstances, the artistic appeal and comprehensibility of the epic material can stimulate interest in ethnic roots, mythological figures, ethical norms and symbols. Despite the limited representation of national and regional elements in the educational content, it can establish a robust foundation in the children's cognitive and behavioral patterns. Turning to the Nart epic, a powerful layer of the Ossetian ethnocultural heritage, awakens historical memory and develops a spiritual and moral core of students.

Keywords: *ethnocultural education, Ossetian Nart epic, ethnopedagogy, education, folklore, traditions of public education*

Author Info: **Tsallagova, Zarifa B.** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: sozieva@mail.ru tsallag@iea.ras.ru

For citation: Tsallagova, Z. B. 2024. The Ossetian Nart Sagas: A Look Through the Prism of Ethnopedagogy. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 220–231.

Funding: The article was carried out within the framework of the research project: “General Civil and Ethnocultural Values in the Education of Russian Youth: Finding a Balance” (within the framework of the Scientific Research Program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity, 2023–2025).

Любому обществу характерно стремление сохранить свою самобытность, уникальность культуры и психологического склада, в том числе и посредством образовательных систем, имеющих важное значение в формировании личности человека. В настоящее время в сфере отечественного образования очевидны тенденции, отражающие с одной стороны, закономерности мирового педагогического процесса, с другой — национально-региональные особенности, обусловленные историческими, демографическими, экономическими, этнокультурными факторами, менталитетом народа. В условиях актуализации вопросов стратегии формирования личности подрастающих граждан страны важно выявление содержания и практических средств, методов и приемов этнокультурного образования и просвещения в многоэтнической и многоязычной России, и, в первую очередь, рассмотрение фольклорного эпического наследия каждого региона как содержательной основы этнокультурного образования.

Для Осетии, как и для всего северокавказского региона страны, рассмотрение содержательной основы этнокультурного образования учащихся предполагает прежде всего анализ этнопедагогических особенностей национального эпического наследия «Нарты», который на протяжении веков был эффективным средством и важным фактором формирования духовности. И здесь нам представляется важным сделать акцент на степени полноты, архаичности, соотнесенности эпоса и истории осетин, озвученный самым авторитетным нартоведом — В. И. Абаевым: «В си-

стеме многонационального нартского эпоса народов Кавказа осетинские нартские сказания представляют собой наиболее архаичную и полную версию, в яркой художественной форме отразившую историю, этнографию, психологию и нравы народа» (Нарты 1990: 4).

Осетины, вошедшие в историю Европы и Азии под именем алан, вплоть до XX в. сохраняли свой древний эпос, в образной художественной форме запечатлевший жизнь народа от родового строя до периода феодальной раздробленности средневекового Аланского царства. Первые документальные записи осетинских нартских сказаний, произведенные В. Цораевым и Д. Чонкадзе, были переведены на русский язык, прокомментированы и опубликованы российским академиком А. А. Шифнером в приложении к 14-му тому «Записок Академии наук» в 1868 г. в Санкт-Петербурге. Неоценимый вклад в сохранение осетинского эпического наследия внесли академики А. М. Шегрен и В. Ф. Миллер, а также первые представители осетинской интеллигенции (Калоев 1999: 147–152; Чибиров 2018: 5–14; Чибиров 2022).

После появления серии письменных фиксации нартские сказания становятся объектом лингвистического, фольклористического и культурологического изучения. Научный инструментарий этих наук позволил ученым сделать выводы относительно их возникновения, форм и ареала бытования, степени архаичности и исторической обусловленности, особенностей поэтики и сюжетно-фабульного разнообразия (Абаев 1990: 7–77; Дюмезиль 1976; Калоев 1999: 145–166).

Наряду с этим во многих нартведческих работах содержались и ремарки относительно их воспитательного значения, однако объектом специального этнопедагогического изучения они стали лишь последние полвека, когда сформировалась этнопедагогическая научная школа, был изложен ее основной понятийный аппарат и появились работы по теории и методологии этнопедагогических исследований. Это, прежде всего, исследовательские работы академика Г. Н. Волкова начиная с середины XX в., а также работы учеников его научной школы, в которых анализируются сквозь призму этнопедагогики соответствующие пласты этнокультурного наследия народов страны (Волков 1999).

В свое время поиск соискателями научной степени такого объекта исследования, который заведомо обладал бы новизной, с одной стороны, и методологической неизученностью, отсутствием образовательно-методической адаптации к возрастной специфике детей, с другой стороны, обусловил появление целого ряда исследований по этнопедагогике нартиады. Как правило, структура всех этих работ двухаспектна: в них, во-первых, происходит выявление этнопедагогического потенциала эпоса, конкретизируются специфические, национально-особенные вопросы этнологии детства: изучаются методы, средства и формы народного воспитания, периодизация формирования личности ребенка от рождения, младенчества и до юности; во-вторых, предлагается методологическое преломление материала для учебной аудитории, — а это не только адаптирование текстов эпоса, но и методика подготовки преподавателя к работе с данным материалом; разработка учебной модели оптимального освоения данного пласта народной культуры, проведение экспериментальной работы по выявлению педагогических условий успешного обучения.

Авторы статей, монографических изданий и диссертационных исследований по этнопедагогике работают над эпическим материалом в двух направлениях: 1) методика преподавания и изучения собственно эпоса в учебных заведениях с целью наилуч-

шего и всестороннего освоения знаний по данному предмету; 2) изучение материала с целью выявления в нем специфики национального народного воспитания, использование его как средства формирования тех или иных личностных качеств учащихся (трудолюбие, экологическое, духовно-нравственное, патриотическое воспитание).

Еще один аспект изучения данного материала — освоение его не только в моноэтническом, но и в региональном аспекте, — сравнительно-сопоставительное рассмотрение осетинского эпоса и эпоса соседних или родственных народов. Такие разработки в основном предназначаются для углубленной кружковой работы и как основа спецкурсов для студентов, специализирующихся в соответствующих областях научного и педагогического знания.

Анализ публикаций по этнопедагогике осетинского нартского эпоса позволяет констатировать, что объективно воспитательное действие эпоса выражалось в том, что он реально формировал мировоззрение подрастающих поколений, был той духовной эстафетной палочкой, передавая которую поколения обогащались опытом предков и сами вносили в него свой вклад. При кажущейся казуальности в сюжетах фабульных построениях и характерах героев эпоса нет несогласованности: и сказания, и циклы сказаний, дополняя друг друга рисуют эталонные для осетин типы совершенной личности — война, охотника, матери и т. д. А суммарный идеал героев нартских сказаний стал эталонным: «...Повсюду наивысшей похвалой человеку было сравнение его с нартом», — отмечает французский ученый Жорж Дюмезиль (*Дюмезиль 1976: 7*). В присловья, поговорки, пословицы вошли храбрость, сила и честь осетинских нартов из рода Ахсартагката, ум нартов из рода Алагата. А эталонную женскую мудрость, расторопность, рачительность, красоту, дипломатичность осетинский эпос и разговорная афористика приписывают эпической матери нартов Шатане.

Аналитическая работа с эпическим материалом выводит исследователя на важное этнопедагогическое понятие — эталон, идеал, идея совершенной личности в эпосе (*Волков 1999: 47–63*). А важно оно потому, что является ключевым моментом во всем процессе воспитания. В современной мировой педагогической науке существует целый ряд определений воспитания, которые все без исключения имеют одну общую составляющую: в них воспитание рассматривается как *ЦЕЛенаправленный* процесс формирования личности. Цель формирования граждан и их мировоззрения присуща любому обществу. Как «...суммарное, синтетическое представление о целях народного воспитания» предлагает рассматривать народный идеал совершенного человека Г. Н. Волков, подчеркивающий, что «...нравственный идеал несет в себе громадный социальный заряд, играя очищающую, призывающую, мобилизующую, вдохновляющую роль» (*Волков 1999: 47*).

Не имея образовательных концепций и учебно-воспитательных стратегий, создатели нартского эпоса свои воспитательные цели вкладывали в образы идеальных эпических героев, обладающих предпочтительными чертами характера и эталонным поведением. Создатели эпоса наделили образы идеальных героев Нартиады качествами, которые позволили им стать важным средством воспитательного воздействия на подрастающие поколения, привития предпочитаемых в данном социуме черт личности. Любовь к свободе, чувство товарищества, долга и ответственности, бесстрашие и находчивости в бою с врагами, уважение к женщине, к старшим, — основные характеристики нартских героев. Они звучат из уст старейшин нартов: «Нарты до тех пор были нартами, пока умели умирать за свой народ ..., сдерживали

свои страсти ..., когда из уст нартовского человека можно было услышать только правду ..., когда были воздержаны в еде, знали меру в питье ронга, пока умели почитать старших» (Нарты 1990: 423). Именно эти эталонные черты были призваны формировать характер горца. Совершенно непререкаемы в эпосе вошедшие в пословичные клише и функционирующие в современной осетинской паремиологии предпочтительные личностные качества, носителем которых, как указывал В. И. Абаев, является нарт Батрадз: доблесть в бою, воздержанность в пище, уважение к женщине: «Народ с особой щедростью наделил Батраза чертами, в которых видел идеал мужчины, воина, члена родовой дружины. Всесокрушающая сила, отвага, не знающая границ, всегда честное, открытое и стремительное нападение, презиращее хитрости и уловки, неукротимая ярость к врагам и насильникам — все это в соединении со стальным неуязвимым телом, закаленным в кузнице Курдалагона, делает Батраза идеальным витязем железного века» (Абаев 1990: 38).

Пример воспитания силы воли, сопряженный с формированием здорового образа жизни и экологического мировосприятия в сюжете Батрадзовского цикла «Собрание нартов или кто из нартов самый лучший» сопряжен с созданием поисковой ситуации, пробуждающей познавательный интерес слушателя: «Целую неделю пировали нарты. Батрадза посадили так, что ни до одного кушанья и ни до одного напитка не смог он дотянуться. Всю неделю сидел на пиру Батрадз, и ни кусочка еды и ни глотка ронга не попало в рот его, но пел он веселее всех и плясал лучше всех. — А где научился ты умеренности в пище и питье? — спросили Батрадза», — после такой интригующей преамбулы следует ответ призванный запечатлеться в сознании: « — Было это давно, еще в молодости моей, — ответил он. — Однажды на привале послали старшие нас, младших, за водой. Дорогой один из нас споткнулся о какой-то маленький комочек, похожий на сморщенный кожаный мешок. Прихватили мы этот мешочек, чтобы набрать в него лишней воды, подошли к роднику, который бежал со скалы, наполнили наши кувшины и подставили наш мешочек. Катится вода в мешок, и чем больше наливается в него воды, тем больше он растягивается, но доверху так и не наполнился. Принесли мы воды, напились охотники, и тут мы спросили старших: «Что это за удивительный мешок, который можно без конца растягивать?» Долго рассуждали бывалые люди и рассматривали этот мешочек. И решили они, что это человеческий желудок. На всю жизнь запомнился мне этот случай! «Чрезмерная еда — лютая чума!» — сказал я себе и стал приучать себя с тех пор к умеренности, стал закалять свой желудок. Хлеб разламывал я на четыре части, и сначала съедал я только три четверти. А силы у меня не убавилось, и работал я по-прежнему. Потом стал я откладывать еще одну четверть, и оказалось, что полхлеба так же утоляет голод, как и целый хлеб» (Нарты 1990: 275). Нельзя сказать, что этот эпизод потерял свою актуальность; в детской аудитории, как правило, он находит своего внимательного слушателя.

Важной составляющей стороны идеала человека является потребность самосовершенствования. Психологи возникновение у человека какой-либо потребности связывают с его неудовлетворенностью чем-либо, со стремлением человека достичь соответствующей цели. Потребности, как и идеалы, носят конкретно-исторический характер. Понятно, что каждая эпоха вырабатывает свою систему ценностей; и само собой разумеется, что идеальные герои нартовского эпоса осетин в художественно-образной форме отразили определенные потребности соответ-

ствующего общественного развития. Так, например, еще один герой нартского эпоса — Сослан, как и Батраз, осознавая свое несовершенство, стремясь отвечать духу времени, подвергает себя закалке. Оценка героем своего физического состояния и стремление к совершенству, неуязвимости происходит из важности определенного вида деятельности — героического, необходимого ему для защиты всего нартского народа, для соответствия требованиям героической эпохи.

В эпосе выделяются четыре завета богатырства (героизма): любовь к своему народу, защита его от врага; деятельная помощь своим боевым друзьям, товарищам; воинская доблесть; забота о своей чести, высокое сознание своего достоинства (Нарты 1990: 278–280). Эти признаки героизма в органическом единстве образуют стержень идеала нартского эпоса осетин. Идеальными мужчинами в эпосе являются Урузмаг, Сослан, Батраз, Ацамаз, каждый из которых совершил героические подвиги во имя общества, в котором он живет.

Отслеживая особенности и обстоятельства формирования черт идеального героя нартского эпоса осетин, В. И. Абаев замечал: «Когда война становится нормальной функцией общественной жизни и военные вожди задают тон в формировании общественной идеологии, рождается новый тип эпического героя, необоримой силы, сокрушающей врагов богатырской мощью, без примеси хитрости и колдовских приемов. Таким героем в осетинском эпосе является Батраз» (Абаев 1990: 70).

Батраз признается в эпосе абсолютным идеалом. Он вместе с другими совершенными образами нартского эпоса является для поколений осетин образцом патриотизма, мужества, добра, других совершенных качеств человеческой личности. Не случайно по этому поводу В. И. Абаев в своем исследовании «Нартковский эпос» резюмирует: «Великую свою воспитательную силу эпос не утратил вплоть до наших дней. Выражение *«нартон»* (нартовский) и сейчас является символом силы, доблести, величия и изобилия. Быть в юности таким, как нарт Батраз, стальной рыцарь без страха и упрека, ... который сокрушал земных врагов...; быть в старости таким, как нарт Урузмаг, мудрый и щедрый патриарх, чье слово ценится на совете и кто не уступает молодым в минуту опасности; быть такой женщиной, как Сатана, вещая и прозорливая мать народа, чьи руки — символ изобилия и хлебосольства, чей ум в трудные минуты спасает народ, затмевая ум мужчин — вот идеал, который еще в недавнем прошлом стоял перед каждым осетином и осетинкой... Нарты для осетин не покрытая пылью веков архаика, а жизнь, трепещущая, близкая, волнующая и неуязвимая» (Абаев 1990: 72).

Если совершенное тело героя, его отвага и мужество являются первыми и одними из основных компонентов идеала нартского эпоса осетин, то другой важной его составляющей является правда слова. Рамки оценки человеческого совершенства, таким образом, расширяются, поднимая идеал человека до уровня духовно-нравственного. И не случайно из всех сокровищ нарты больше всего дорожили чашей Уацамонга, чудесное свойство которой заключалось в способности определять, когда нарты говорят правду, а когда нет. И если кто-то из пирующих говорил правду о своих подвигах и о своей доблести, то она (чаша) поднималась прямо к губам этого человека. Если же кто-то хвастался, говорил неправду, она не трогалась с места. Не реагируя на хвастовство некоторых Нартов, чаша Уацамонга трогалась с места только тогда, когда о своих подвигах начинал рассказывать Батраз, этим самым она признавала его самым правдивым из Нартов (Нарты 1990: 275–277).

В сказании «Собрание Нартов, или кто из Нартов самый лучший» наиболее полно высвечивается проблема идеала. На совете (собрании) старейшин нарты создают словесный образ идеального нарта. Этот образ относительно прост, но достаточно возвышен и социально значим, качества идеального члена родовой общины придают ему пассионарность: он дает людям нравственные ориентиры, проявляя функцию социального контроля, оберегая от социального аутсайдерства. Только обладая такой целью можно было быть адекватным вызовам эпохи. «Целостный образ идеального человека, созданного творцами нартовского эпоса осетин, — пишет Дробницкий О. Г., — носит программный характер» (Дробницкий 1977: 48).

Эпос не только создает образ идеального человека, но и указывает пути и средства достижения человеком такого идеального состояния. Выше уже отмечалось, каким образом Батраз достигает совершенства. Но даже признав Батраза абсолютным идеалом, нарты продолжают проверять его право на звание самого лучшего из соплеменников, немалые трудности и препятствия преодолевает Батраз, доказывая нартам свое право носить это имя. Педагогически сфокусированное внимание современных учащихся позволит уловить достаточно прозрачный эпический подтекст: быть героем — это постоянная работа над собой, борьба, труд; здесь нет почивания на лаврах.

В образе нарта Батраза кроется всегда соседствующая с эпическим обликом гармоничного человека еще одна важная универсалия совершенной личности — связь внешней красоты, физического совершенства с духовно-нравственной наполненностью и острым умом. Примечательно, что красивый и отважный стальной Батраз, закаленный в небесной кузнице Курдалагона, — выдающийся воин и защитник нартов, — вместе с тем и умен, и справедлив. Его эпическая притягательность заключается не только в его необычайных физических способностях, но и в правоте того дела, за которое он борется, защищая свой народ. Для сравнения: физически сильные, но нравственно несостоятельные противники нартов всегда терпят поражение.

Этнопедагогический подход, позволяя вычленить цель воспитания — идеал эталонной личности — помогает определить средства, формы, методы достижения этой цели. В осетинских вариантах сюжета о путешествии Сослана в страну мертвых с целью узнать какова судьба почивших родных, много проявлений воспитательной мудрости народа. Одна из главнейших из них — внимание и любовь к детям — будущему любого народа: вспомним эпизод встречи Сослана с детьми, соскучившимися по родителям и называющими его кто отцом, кто матерью. «Грустно было Сослану смотреть как несуразно были одеты оставшиеся без родительской ласки и внимания дети. Пожалев детей, Сослан каждого из них обласкал и на каждом поправил одежду. И в благодарность, когда Сослан снова сел на коня и поехал дальше по стране мертвых, дети вслед ему кричали: «Да будет у тебя прямая дорога, Сослан! Пусть во всем тебе будет удача и пусть благополучно завершится то дело, за которым ты приехал сюда!». И среди нартов, и в современном обществе любовь — главный фактор и средство воспитания. Давая самое краткое определение воспитанию выдающийся ученый и мудрый педагог, академик Г. Н. Волков повторял: Что такое воспитание? — Любовь и пример.

С точки зрения воспитательной практики интерес представляют сказания: Сослан и сыновья Тара, Поход нартов, Урузмаг и трое испытующих, Кому досталась черная лисица и др., в которых показано, что когда силе невозможно противопоста-

вить силу на помощь приходит разум и смекалка. Умственные способности человека, нарты высоко ценили и подчас ставили выше физических, человеку внушалась вера в свои силы, подчеркивалась значимость познавательной активности в умственном развитии, приветствовался интеллектуальный поиск. В эпосе часто звучат вопросы: «Что это такое? Чем это вызвано? Почему это так?».

В отдельных сюжетах нартского эпоса заметную роль играют загадки, иноказательный язык. Так, в сказании «Последний балц Урузмага» сообщение о путях своего освобождения из плена нарт Урузмаг передал в иноказательной форме, которую смогла разгадать только Шатана. Язык эпоса пестрит благопожеланиями, пословицами и поговорками, резюмирующими основные идеи нартиады. Речь эпических героев пронизана мудрыми афоризмами, столетия звучащими в их устах. Этот фактор — максимальная близость к разговорному языку и паремическому фольклору — также способствовал реалистичности нартского эпоса, проникновению его вековой мудрости в обыденное мышление посредством эпических образов, метафор, афористических поучений и наставлений. Известный иранист, выдающийся исследователь осетинского нартского эпоса В. И. Абаев пишет: «Можно сказать, что у осетина прошлых веков было два «университета»: одним из них была жизнь, другим — эпос. Но между этими двумя «университетами» не было никакой пропасти, никакого разлада. Жизнь сама была насыщена эпическим духом, а эпос — это была сама жизнь, преломленная сквозь призму народно-поэтического вымысла... Великую свою воспитательную силу эпос не утратил вплоть до наших дней» (Абаев 1990: 72).

Воспитательная сила эпоса заключается в том, его назидательный посыл находится не на поверхности, он не нарочит и не примитивен, он требует осмысления и размышлений: эпические сказания пронизаны ситуациями, требующими рассуждения, мыслительной активности, смекалки. В них часто используются проблемные ситуации, предполагающие необходимость решения жизненных задач, выхода из сложных ситуаций, обращения за советом к знающим, умным людям, а также к личностям, демонстрирующим всю палитру позитивных гуманных качеств.

Заложенный в образы эпических персонажей, — воинов, певцов, пастухов, охотников, рачительных хозяек, авторитетных старейшин — воспитательный потенциал в эпосе нередко актуализируется посредством акцентуации на личностных характеристиках героев. Происходит это зачастую в форме соревнования персонажей, их сравнение, сопоставление. Этот настойчивый и беспокойный дух соревнования, стремление быть лучшими всегда и во всем — ментальный лейтмотив эпоса. Несколько нартских сюжетов имеют своей завязкой один и тот же постоянно волновавший всех вопрос: «Кто лучший среди нартов?». С этого вопроса начинается, по ряду вариантов, рассказ об Урузмаге и циклопе, о волшебной свирели Ацамаза, о красавице Агунде, выбирающей жениха. Для усиления эмоционального восприятия героя, запечатления в памяти его исключительных качеств использовалась вся палитра образного строя этнопоэтики осетинского языка: затмившая нартских красавиц Агунда «блистала красотой беспримерной», «как утро юное была», «в ее лице — и солнце, и луна», «как новолуние, изгиб бровей, глаза ее небесных звезд ясней»; игра на свирели Ацамаза «все оживляет, пробуждает, радуется», «природа не может оставаться безразличной к его задушевному напевам». На фандыре или свирели играли все прославленные нарты. Среди них игрой на обоих инструментах особенно пора-

жал Сослан, который «играл так задушевно и вдохновенно, что на звуки его фандыра слетались птицы и сбегались звери, а горы подпевали ему», «звери пускались в пляс, птицы пели, травы и цветы являлись во всей своей пышной красе, реки выходили из берегов». И даже славнейший из нартов, мудрый старец Урузмаг впечатлял соплеменников своей игрой на фандыре. Описания превосходной игры нартов на музыкальных инструментах позволяют увидеть, понять, почувствовать, какую важную роль играет и какое большое место занимает в их жизни музыка, что красноречиво свидетельствует об их особой любви к музыке и глубине их духовного мира. Вместе с тем, как свидетельствует эпос, песня для нартов была не только «предметом услады и веселья», подчас она служила иносказательным средством передачи информации, объяснением, мотиватором, тайным посланием.

В нартском эпосе фактором воспитания молодого поколения были семья, род и общественное самоуправление «ныхас», которые успешно социализировали подрастающие поколения. Это был тот элемент реальной действительности создателей эпоса, который, по словам В. И. Абаева «властно вторгается в мифы», и именно поэтому «всякий народный эпос — это не только собрание мифов и сказок, но и ценный исторический источник». Этот исторический источник нартоведы датируют хронологическим периодом от античности до позднего средневековья, а территориально прикрепляют к югу России и Северному Кавказу, на котором в этот период шел процесс воздействия индоевропеизации на северокавказские племена восточноиранских диалектов, носителями которых последовательно являлись киммерийцы, скифы и сармато-аланы. «В результате этого процесса, — отмечает С. А. Арутюнов, — не только вся равнинная часть Североного Кавказа к 10–12 векам н.э. оказалась занятой Аланами, но по речным долинам они проникали глубоко в горные области и оказывали ассимилирующее воздействие на проживавшие здесь северокавказские племена (Арутюнов 1994: 129). Отмечая, что именно к этому периоду относится христианизация алан, С. А. Арутюнов констатирует, что христианство не пустило в аланской среде столь глубоких корней, как в Грузии и Армении: «Видимо основным выразителем этнической идеологии здесь продолжали оставаться понятия и ценности скифо-сарматского язычества, нашедшие свое более яркое выражение в нартском эпосе. Мы вовсе не хотим здесь абсолютизировать ни восточноиранскую принадлежность Алан, ни иранскую или скифо-сарматскую принадлежность нартского эпоса. Вполне возможно, что тесно связанные с кочевым миром евразийских степей, аланы еще с гуннского времени включали в свою этническую культурную общность существенные неиранские, в частности, тюркские компоненты. Несомненно, что во всех вариантах нартского эпоса тесно переплетаются мотивы глубокой древности с отголосками исторических событий эпохи средневековья, иранские внекавказские образы и сюжеты — со специфическими горскими кавказскими. Но все же основной стержень Аланского и «нартовского» этнокультурного достояния нельзя определять иначе, как продолжающие скифо-сарматские культурные традиции» (Арутюнов 1994: 129–130).

Не только опосредованно и образно эпос говорит о важности воспитания достойных потомков (хотя образность, иносказание в отличие от голого назидания, наилучшим образом содействуют формированию личности ребенка). И в этом еще одна педагогическая доминанта эпоса. В сказаниях заключительного цикла вопрос о достойной смене, о грядущем поколении ставится совершенно открыто и катего-

рично. Ведь именно угроза оставить после себя плохое потомство стала причиной добровольной гибели нартов. В сказании «Гибель нартов» говорится: «Бог прислал к нартам ласточку, которая передала его слова: “В случае, если я вас осилю, то чего вы хотите — чтобы я полностью искоренил ваш род или чтобы все-таки оставил после вас плохое потомство?” Переглянулись нарты и сказали: — Если хочет искоренить наш род, то пусть совсем искореняет. Тут заговорили некоторые неразумные: — Чем быть без потомства, пусть лучше хоть плохое потомство останется. И тогда сказал Урузмаг: — Чем оставить плохое потомство, лучше остаться совсем без потомства. И все нарты согласились с тем, что сказал Урузмаг».

На протяжении многих веков сказания о нартах были и своеобразным институтом воспитания детей: с раннего возраста в сердце и ум ребенка проникал могучий творческий дух народа, отраженный в эпосе, его взгляды на жизнь, идеалы, стремления. В наше время ценность использования нартского эпоса в качестве содержательной основы этнопедагогизации учебно-воспитательного процесса учебных заведений региона особенно велика, так как глобализация и массовая культура нивелируют до безликости цивилизационное и культурное разнообразие, поддаваясь тотальной вестернизации жизни и образования. В таких условиях эпический материал, художественно притягательный и понятный для учащихся, позволяет пробудить интерес к этническим корням, мифологическим образам, этическим нормам и символам. Доля национально-регионального компонента в общем объеме содержания образования хотя и невелика, но вполне позволяет заложить добрую основу в душу и поведенческий стереотип ребенка, а обращение к нартскому эпосу, мощному пласту осетинского этнокультурного наследия, будит историческую память и формирует духовно-нравственный стержень.

Рассмотрение нартского эпоса сквозь призму этнопедагогики помогает не только четко увидеть воспитательный потенциал осетинских героических сказаний, но и дает методологический ключ и методические алгоритмы практического использования этого огромного ресурса этнического воспитания в ходе системной этнопедагогизации учебно-воспитательной деятельности всех звеньев образовательной системы. Само собой разумеется, что для осуществления такой работы на подобающем уровне необходима соответствующая профессиональная подготовка учителя посредством спецкурсов и практикумов, а также изучение методики преподавания и познания собственно эпоса в учебных заведениях с целью наилучшего и всестороннего освоения знаний по данному предмету (это, к примеру, изучение эпической этнопоэтики — разнообразных средств художественной изобразительности, среди которых метафора, эпитет, сравнение, гиперболы, литота и т. д.). Дополнительную ценность такой работе придает подключение межпредметных связей, когда те же тропы и содержащие их тексты переводятся на другие изучаемые языки.

Дает свои практические результаты и изучение данного материала с целью выявления в нем специфики национального народного воспитания, а затем использование его как средства формирования тех или иных личностных качеств учащихся (трудовое, экологическое, духовно-нравственное, патриотическое воспитание). Свое логическое продолжение такая работа находит во внеурочной и кружковой работе — музыкальное исполнение стихотворных форм эпоса, инсценировка прозаических отрывков; своеобразной деятельностью формой освоения материала является подготовка атрибутики и костюмов для такого сценического выступления.

Еще один аспект изучения данного материала — освоение его не только в моноэтническом, но и в региональном аспекте, — сравнительно-сопоставительное рассмотрение совокупности двух и более национальных версий Нартиады. Такая работа наиболее плодотворна в полиэтничных коллективах, когда можно к иллюстрации материалов осетинской версии привлечь другие северокавказские параллели (карачаевские, балкарские, черкесские, кабардинские, абхазские, чеченские, ингушские, абазинские и др.) в исполнении детей–носителей соответствующего языка.

Следующий уровень сравнительно-сопоставительного изучения эпоса — выход на изучаемые или рекомендуемые к прочтению эпические памятники народов России и мира: русский былинный эпос, калмыцкий Джангар, бурятский Гесер, среднеазиатский Манас, армянский Давид Сасунский, якутские Олонхо, карело-финская Калевала, французская Песнь о Роланде, испанская Песнь о Сиде, германская Песнь о Нибелунгах и ряд других. Такое привлечение эпического наследия народов мира для проведения широких сравнительных сопоставлений формирует знание о сюжетном реестре и типологическом родстве фольклорно-мифологических мотивов.

Весьма результативным является и изучение смежных художественных проекций эпоса в экранизациях, анимации, изобразительном искусстве, художественных промыслах, музыке, хореографии и т. д. Еще один, набирающий все больший вес, источник эрудированности детей — создание соответствующих интернет-сайтов и иных источников цифровой информации об эпосе. Эпические мотивы всегда выигрышны и в оформлении учебных помещений, территории школы, микрорайона, города.

Таким образом, резюмируя выводы о том, что богатейший педагогический потенциал нартского эпоса и сегодня остается востребованным и актуальным в формировании и развитии подрастающего поколения, невольно констатируешь истинность приписываемой Платону фразы о том, что Гомер воспитал Элладу (имеются в виду «Илиада» и «Одиссея», в основу которых легли древнегреческие сказания и мифы).

Источники и материалы

Нарты. Осетинский героический эпос. Книга 1. М.: Восточная литература», 1990. 496 с.

Научная литература

Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Нарты. Осетинский героический эпос. Т. 1. М.: Наука, 1990. С. 7–77.

Арутюнов С. А. Глоттогенез и этногенез на Кавказе // Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 92–154.

Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: Изд. центр «Академик», 1999. 168 с.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.

Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М.: Наука, 1977. 333 с.

Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. 392 с.

Чибиров Л. А. В. И. Абаев об исторической подоснове нартовских сказаний // Известия СО-ИГСИ. Вып. 29 (68). 2018. С. 5–14.

Чибиров Л. А. (глав. ред.). Энциклопедия осетинской нартиады в 3-х т. Т. 1. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2022. 464 С.

References

- Abaev, V. I. 1990. Nartovskii epos osetin [Ossetian Nart Epic] In *Narty. Narty. Osetinskii geroicheski epos* [Narts. Ossetian Heroic Epic], ed. by T. A. Khamitsaeva, A. Kh. Biazzyrov. Vol. 1. Moscow: Nauka. 7–77.
- Arutyunov, S. A. 1994. Glottogenez i etnogenez na Kavkaze [Glottogenesis and Ethnogenesis in the Caucasus]. In *Narody Kavkaza: antropologiya, lingvistika, khoziaistvo* [Peoples of the Caucasus: Anthropology, Linguistics, Economics]. Moscow: IEA RAS. 92–154.
- Chibirov, L. A. 2018. V. I. Abaev ob istoricheskoi podosnove nartovskikh skazanii [V. I. Abaev on the Historical Basis of Nart Legends]. *Izvestiia SOIGSI* 29(68): 5–14.
- Chibirov, L. A. 2022. (ed.). *Entsiklopediia osetinskoi nartiady* [Encyclopedia of Ossetian Nartiada]. Vol. 1. Vladikavkaz: SOIGSI VSC RAS. 464 p.
- Diumezil, Zh. 1976. *Osetinskii epos i mifologiya* [Ossetian Epic and Mythology]. Moscow: Nauka. 276 p.
- Drobnitsky, O. G. 1977. *Problemy npravstvennosti* [Moral Problems]. Moscow: Nauka. 333 p.
- Kaloev, B. A. 1999. *Osetinskie istoriko-etnograficheskie etiudy* [Ossetian Historical and Ethnographic Studies]. Moscow: Nauka. 392 p.
- Volkov, G. N. 1999. *Etnopedagogika* [Ethnopedagogy]. Moscow: Akademik. 168 p.